

А. Е. Цесарская, В. И. Шестопалова

*Дальневосточный федеральный университет
ул. Суханова, 8, Владивосток, 690950, Россия*

annaceas@mail.ru, shestopalova.vi@gmail.com

МЕТАПОКАЗАТЕЛИ АВТОКОРРЕКЦИИ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Исследование выполнено на материале разговорной речи и посвящено анализу особенностей функционирования метаязыковых показателей автокоррекции в семантическом, прагматическом, функциональном аспектах. В качестве таких элементов употребляются единицы различной лингвистической природы: союзы, вводно-модальные слова, частицы, междометия, развернутые метатекстовые комментарии. Представлена классификация типов метапоказателей автокоррекции в разговорной речи, выполненная на основе функционального критерия: 1) союзы, союзные аналоги и вводно-модальные слова, служащие для экспликации логико-семантических отношений между компонентами автокоррекции; 2) десемантизированные элементы, выполняющие дискурсивную функцию – оповещение слушающего о коммуникативных затруднениях говорящего; 3) метатекстовые комментарии, связанные с вербализацией мотивов, побудивших говорящего к автокоррекции, и, в целом, его прагматических установок. Несмотря на разную лингвистическую природу, показатели автокоррекции в разговорной речи объединены общей функцией: их употребление регулирует процесс взаимодействия говорящего и слушающего (говорящий в своей речи ориентируется на слушающего), тем самым обеспечивается должный уровень коммуникации.

Ключевые слова: разговорная речь, автокоррекция, рефлексия речи, метаязыковые элементы, взаимодействие говорящего и слушающего.

Метаязыковая деятельность говорящего является следствием осознанного отношения индивида к своему речевому поведению, которое принято определять как способность к последовательному сознательному перебору и сознательной оценке речевых средств [Леонтьев, 1974. С. 254]. Рефлексия говорящего по поводу выбранного им языкового элемента эксплицируется в так называемых метакатегориях модуса [Шмелева, 1988]. Особенность этих категорий в том, что все они «проявляются в высказывании именно в тех случаях, когда у говорящего есть подозрение, что что-то в коммуникации нарушено или может быть нарушено», т. е. «когда расходятся коммуникативные установки автора и адресата, и от последнего поступают вопросы типа “При чем тут это?”, “С чего вы взяли?”, “Что ты этим хочешь сказать?”» [Там же. С. 31]. В норме модусные смыслы в высказывании не выражаются, их экспликация – это реакция говорящего на коммуникативное напряжение, например, колебания, связанные с выбором слова, сбой вербализации (оговорки), а также возможный сбой понимания. В таких случаях в речи говорящего появляются метаязыковые высказывания, представляющие собой автокомментирование собственного речевого поведения [Вепрева, 2002]. К проявлениям метаязыковой деятельности мы относим и автокоррекцию – частичное или полное изменение уже произнесенного фрагмента высказывания. Метаязыковые элементы автокоррекции не только служат сигналом для слушателя о вносимой поправке, но и позволяют снять коммуникативное напряжение, возникшее в процессе коммуникации.

Цесарская А. Е., Шестопалова В. И. Метапоказатели автокоррекции в разговорной речи // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 9: Филология. С. 65–75.

В рамках данной статьи мы определим круг метаязыковых элементов, оформляющих автокоррекцию, опишем их семантико-прагматический потенциал, выявим их функции. Материалом исследования послужили в основном диктофонные и частично блокнотные записи разговорной речи в различных ситуациях непринужденного общения: дома, в автомобиле, в супермаркете, на детской площадке, на кафедре во время перерыва между занятиями и т. д. Сбор материала осуществлялся с 2005 по 2015 г., информантами являются образованные носители русского литературного языка (среди них преподаватели) – жители Приморского края. За единицу исследования принят сам факт автокоррекции (около 2 000 единиц).

Мы определяем автокоррекцию как двойную номинацию, относимую говорящим к одной и той же референтной ситуации.

Анализ материала показал, что между первой и второй вербализациями возможны следующие отношения.

1. Взаимоисключение: *И вот я еще там проучилась год... нет... это не год... шесть месяцев //; Но только рассматривается... рассматривается также еще и гражданский иск //*. При данном типе отношений только один из компонентов автокоррекции соответствует замыслу говорящего.

2. Дополнительность, при которой и первая, и вторая вербализации соотносимы с одной референтной ситуацией, но вторая более актуальна в сравнении с первой: *И отца значит взяли в сорок втором... в начале сорок второго года //; И приехали / папу призвали в армию... в ряды Красной Армии //*.

3. Тождество, когда первая и вторая номинации адекватны сущности обозначаемого, но различаются, например, с точки зрения кодовой принадлежности. Автокоррекция в таком случае имеет толкующий характер: *Раньше кедр вырубали планово / когда лесхоз... ну лесное хозяйство было //; У нас есть молодые тестеры / не то что они плохие // И у них вот такая строжесть вот бывает... строгость / да?* (слово «строжесть» является индивидуальным употреблением).

Универсальными экспликаторами логико-семантических отношений между элементами автокоррекции являются:

1) союзы и союзные аналоги: *Ну если вы будете на следующий день рассылать... то есть на следующую неделю //; Ну все равно не стоит принимать это все на 100 % чистую монету... или как там говорят... за чистую монету //; Щас на работу выйду / полегче будет... в смысле зарплату получу... я ж уже вышла //;*

2) вводно-модальные слова: *Иди кати каталку а я... вернее я откачу каталку а ты садись с мальшом* [в машину];

3) частицы: *Они [торты] и тот и этот свежий были // сегодняшний... ну вчерашний //; – Ты видел... слышал / как он [ребенок] орал? – Слышал... не слышал... видел //* [Мама с ребенком находились на улице, а папа в машине с закрытыми окнами]; *У него не хватает речевых стратегий... речевых тактик даже //;*

4) междометия: *Это дешевле чем котлетов нажарить... ой... котлетов... котлет //;*

5) метатекстовые комментарии, содержащие оценку автором речи первичной вербализации, например, с точки зрения точности номинации: *Это асфальтная машина // Она асфальт кладет... или разравнивает... не знаю //;* или соответствия языковой норме: *По горячим углям... или углям... как правильно не знаю //*.

Наибольшим семантическим диапазоном из всех перечисленных метапоказателей обладает пояснительный союз *то есть*, поскольку он в отличие от остальных может связывать компоненты автокоррекции, представленные во всех типах отношений: дополнительности, тождества, взаимоисключения.

Союз *то есть* – многозначный и многофункциональный союз: он служит для выражения различных отношений как между высказываниями (или его частями), так и между более крупными частями текста. Исследователями отмечается, что привычный контекст для *то есть* – пояснение, разъяснение, толкование [Ляпон, 1986. С. 82; СССРЯ, 2001. С. 132]. Особенность этого союза в том, что его значение осложнено метаязыковой функцией: он вводит в высказывание номинацию для уже выраженного вербально фрагмента неязыковой действительности (двойная вербализация одной и той же референтной ситуации), при этом оба изложения оцениваются говорящим как равно возможные [Ляпон, 1986. С. 82]. Поясни-

тельная семантика предполагает, что тождество, установленное союзом, не является полным: повторная номинация привносит новую информацию об описываемом фрагменте действительности. Таким образом, союз *то есть* выражает «одновременно идею тождества и разграничения», когда необходимость второй экспликации коммуникативно оправдана... тремя мотивами: сообщаемое в первой части, во-первых, не вполне точно и адекватно, во-вторых, точно и адекватно, но недостаточно ясно и облечено в необычную словесную форму и потому требует толкования, в-третьих, отвлеченно, обобщенно и потому также требует иллюстрирующего, конкретизирующего комментирования» [Ляпон, 1986. С. 82]. Коллективом авторов «Словаря служебных слов русского языка», кроме пояснительной и толковательной, выделена еще одна функция – корректировочная: *Она его уважала, то есть, вернее, хотела уважать, но он вел себя так, что лишил ее этой возможности; – Сколько ты заплатил за словарь? – Сто. То есть 98.* [СССРЯ, 2001. С. 132–134].

Семантической разноплановостью союза *то есть* обусловлена его широкая употребительность в спонтанных разговорных автокоррекциях различной природы.

Так, в случае, когда корректируемый и корректирующий компоненты дополняют друг друга, реализуется доминанта союза – пояснение. Союз *то есть* соотносит две вербализации, относящиеся к одной референтной ситуации, но не равнозначные семантически: вторая номинация уточняет, конкретизирует первую. Смысл вербализован, но, с точки зрения говорящего, требуется информативное дополнение, без которого невозможна адекватная интерпретация речевого произведения слушающим. Между корректируемым и корректирующим компонентами могут устанавливаться отношения общего и частного (отношения включения), когда информативная недостаточность левого компонента обусловлена следующими факторами:

- семантическая «размытость» лексической единицы: *За отчетный период... то есть с мая по декабрь 2014 года //; А она-то молоденькая девчонка была / он был в штабе флота / ее приняли без всяких / значит / ну... что называется / блата / без всего... то есть без всяких конкурсов / потому что условие было одно / чтоб давали флотский концерт по вечерам //;*

- контекстно-обусловленное употребление: *Пропуска будут номерные... то есть на машину //.*

В других случаях первая и вторая вербализации представляют объект номинации в разных аспектах: *А он этот то старичок мой шофер... то есть свекор / а он его звали Игнаха-красильщик [смеется] / он красил / бегал с кистью //; И это... и там только определенное количество знаков... то есть длинную эсэмэску не отошлешь //.* Особенностью поясняющего союза *то есть* является то, что он может иметь оттенок каузальности (причинно-следственности): *Она [квартира] с отделкой... то есть в нее можно заехать и жить // [с отделкой, следовательно, можно заехать и жить].*

Эксплицируя отношения полного смыслового тождества корректируемого и корректирующего, союз *то есть* выполняет функцию толкования. Обе номинации объекта действительности семантически соотнесены, но вторая представляется говорящему более доступной для восприятия слушающим (первая вербализация – для себя, вторая – для слушающего): *Здесь два корня / антропо... то есть человек //; Наивная картина мира свойственна обыкновенному сознанию... то есть ненаучное //; Концепт репрезентируется свободными сочетаниями... то есть простыми словосочетаниями // [имеются в виду не фразеологизированные сочетания].*

В автокоррекции, первая и вторая вербализации которой находятся в отношениях взаимного исключения, союз *то есть* выполняет корректировочную функцию, маркируя левый компонент как полностью не соответствующий замыслу говорящего: *Заходи... то есть выходи //;* или языковым нормам: [Ребенку] *Кашать будешь... то есть кушать будешь [кашу]? //.*

Семантической разноплановостью союза *то есть* обусловлена его функциональная самодостаточность: случаи употребления конкретизаторов (в роли которых могут выступать метатекстовые комментарии) при нем единичны: *Интересная позиция у Кара-Мурзы... то есть Кара-Мурза... потому что женские фамилии не склоняются.*

Функциональным аналогом союза *то есть* в разговорных автокоррекциях является выражение *в смысле*. Семантикой этого выражения предопределена его метаязыковая нагрузка –

пояснение, уточнение. Кроме того, оборот *в смысле* сигнализирует о вербализации скрытого, невербализованного в левом контексте смысла («говоря А, имею в виду Б»): – *У тебя новый комп? – Предки купили... ну в смысле в кредит взяли* // . Хотя формально факт покупки и состоялся (ср. «купить в кредит»), но в сознании говорящего «взять в кредит» – это не то же самое, что «купить». Кроме уточнения значения высказывания, *в смысле* может иметь дополнительную прагматическую нагрузку: оно отсылает слушающего к конситуации, без учета которой невозможна адекватная реконструкция смысла: *Принеси Леше зубную щетку / зубы почистить... в смысле с пастой* // [ребенок любит чистить зубы каждый раз после еды, но с пастой чистит только утром и вечером]; [О необходимости приобретения второго компьютера] *Ну в интернет можно лазить по вайфаю дома... в смысле... ты с одного / я с другого* // [в квартире уже установлен Wi-Fi, который передает интернет на телевизор и единственный компьютер, конситуацию составляет информация о том, что «лазить в интернет» на данный момент может только один член семьи].

Информативная неполнота левого компонента может быть обусловлена природой единицы, употребленной в качестве корректируемого: *Он дорогу перешел... голубь в смысле* // (местоимение); [о кормлении ребенка] *Ну рыбу надо будет стоя кормить... в смысле когда машина остановится* // [употребление многозначного слова *стоять* – 1) вертикальное положение; 2) неподвижность].

Для оборота *в смысле*, в отличие от союза *то есть*, не характерна функция толкования. Случаи, когда оборот *в смысле* оформляет автокоррекцию, компоненты которой находятся в отношениях взаимоисключения, единичны, при этом употребление этого слова несамостоятельно: *Не слова путаю... а... ой... в смысле не цвета путаю... а слова*.

Итак, союз *то есть* в автокоррекции выполняет следующие функции: во-первых, соединяет компоненты, находящиеся в разных типах логико-семантических отношений, во-вторых, является средством пояснения, толкования, что соответствует его семантике. Употребление союзного аналога *в смысле* в автокоррекции ограничено.

Другие метапоказатели автокоррекции (*вернее / точнее, не ... (а) / нет, или / либо, то ли ... то ли*) не обладают настолько широким функционально-прагматическим потенциалом и, как правило, встречаются только в определенных типах автокоррекции.

Организирующие конструкцию автокоррекции вводно-модальные слова *вернее / точнее* являются «собственно метаязыковыми операторами», что отражено в их лексическом значении. М. В. Ляпон относит их к единицам, «градулирующим адекватность формулировок сущности обозначаемого» [1986. С. 87]. При помощи этих метапоказателей говорящий маркирует первую номинацию как не отражающую языковую ситуацию, как бы зачеркивает ее, а затем вводит вторую, более соответствующую его замыслу.

Основное условие употребления этих метапоказателей – наличие отношений взаимоисключения между левым и правым компонентом: *Ц. сегодня не придут уже... вернее не позвонят уже* //; *У нас вторая ревакцинация... вернее первая* // [речь ведется о прививке АКДС, предусматривающей вакцинацию и несколько последующих ревакцинаций]; *Металл нагревается при расширении... вернее расширяется при нагревании* // . Говорящий в подобных случаях не соотносит обе номинации как одинаково возможные, что подчеркивается возможностью сочетания *вернее* с союзом *не ... а*: *Леш / не крутись под ногами // Я и так уже из-за тебя уронил пиццу... вернее я ее не уронил... я ее поймал* //; *Здесь чередование... вернее... не чередование / а после К* // [о правиле, согласно которому к основе прилагательно на заднеязычный присоединяется окончание *-ий*, а не *-ый*]; *Государство в среднем тратит... не государство вернее... субъект Федерации тратит* // .

Метапоказатели *вернее / верней, точнее* эксплицируют оценку высказывания говорящим также и с позиций соответствия языковой норме: *Включат все... включат вернее* //; *Если говорить о миграции... а точнее об миграции* // [случай гиперкоррекции]; *Все виски выпили... вернее весь виски выпили?* //

Элемент *вернее* может присоединять к себе в качестве конкретизатора развернутый мета-текстовый комментарий, усиливающий его метаязыковую нагрузку: *В последнее время появились таблетки экстази... вернее... я неправильно сказала / они давно были! На них появилась надпись «евро»* // . Метакомментарий *я неправильно сказала* дополнительно указывает на некорректность первой вербализации *появились таблетки*.

Таким образом, метаязыковая нагрузка элементов *вернее / точнее* – собственно коррективная, когда первичная вербализация квалифицируется говорящим как не соответствующая его замыслу или не отвечающая языковым нормам.

Взаимоисключающий характер отношений между корректируемым и корректирующим компонентами автокоррекции может подчеркиваться метапоказателями *нет / не ... а* (компонент *а* факультативен), которые употребляются для внесения поправки, отрицающей ранее сказанное. Семантика этих элементов не подразумевает возможности выбора языковых средств для обозначения фрагмента неязыковой действительности. Метапоказатели *нет / не ... а* маркируют левый компонент как некорректный, абсолютно не соответствующий замыслу говорящего или нормам кодифицированного литературного языка: *Какая здесь криминогенная обстановка... ситуация... не ситуация... обстановка все-таки? //; Мы ее с года да... не с года... с двух лет водили //; Это же люди туда наверное дождат еду / там чё-нибудь... [смеются] это ведь положить надо говорить а не ложить да? //; Это домик для птички... скворешник... ой нет... это кормушка //; Позавчера кстати я с ними разговаривал... нет... два дня назад //.*

Семантика отрицания предопределяет метаязыковую нагрузку элементов *нет / не ... а*: метапоказатель эксплицирует установку говорящего «Теперь я уверен в точности формулировки».

В организации корректировки могут участвовать союзы *или / либо*. Они оформляют отношения альтернативы и также могут быть осложнены «метаязыковым назначением» [Ляпон, 1986. С. 70]: в основе функционирования союза *или* лежит идея выбора.

Употребление союзов *или* и *либо* эксплицирует равноправие первой и последующей номинаций, поскольку «*или* вносит информацию не только о том, что из двух версий только одна имеет место в действительности, но одновременно и о том, что говорящий не знает, какая именно» [Там же. С. 90]. Метаязыковая нагрузка *или* реализуется в идее «безразличного выбора»: «говорящий устанавливает отношения равноправия между называемыми реалиями, предполагая, что он сам либо адресат, либо третье лицо имеет возможность предпочесть что-то одно из представленного набора (ряда) – безразлично что» [СССРЯ, 2001. С. 123–131].

В структуре автокоррекции союз *или* соединяет две номинации, находящиеся в разных отношениях:

- взаимoisключения (*или*-разделительный), при этом *или* эксплицирует прагматическую установку говорящего «правильно что-то одно, но я не знаю что»: *Я же его вообще не видела ни раз... или один // Я маленькая вообще была //; Пробка в оба... в обоих направлениях... или в обеих //; Одну такую камбалу хорошую / вот / прям с килограмм / не меньше // Жировая камбала // Ну штук 12 красноперок // Таких / некрупненьких / И два... или три... медведки //;*

- дополнительности (*или*-пояснительный): *Мы... в тридцать восьмом... но дед от мой от... или как сказать... муж то мой / он старше меня на восемь лет или на семь ли / он приехал с Дальнего то Востока //;*

- тождества: *А ты помнишь / где мама под муку спрятала / в кладовке... или как ее называли... пиддашек //.*

Идеей безразличного выбора предопределена прагматическая направленность союза *или* в автокоррекциях: говорящий как бы извиняется перед слушающим за свое «незнание» и / или предлагает тому самостоятельно сделать выбор из двух представленных вербализаций. Метаязыковая нагруженность *или / либо* подчеркивается присоединением развернутых метакомментариев, употребленных в качестве конкретизаторов: *А она э-э-э познакомилась с однем [одним] ну / тоже солдатом... или кто он там был не знаю //;* [отвечает ребенку, сказавшему «спасибо»] *Пожалуйста / Леша... ну или как там надо отвечать / короче / разбейтесь сами //; Она купила тунику... или туніку... не знаю / как там правильно //; Щас почищу / потому что его [яблоко] сверху обрабатывают воском... ну либо парафином я не знаю //.*

Особенность союзов *или* и *либо* как метапоказателей в том, что они не маркируют ни одну из вербализаций как адекватную или неадекватную. Корректность / некорректность левого и правого компонентов определяется формально их положением относительно друг друга.

Синонимичным *или, либо* является союз *то ли ... то ли*, в семантике которого также присутствует идея альтернативы, выбора. *То ли ... то ли* – разделительный союз, поэтому он мо-

жет оформлять только отношения взаимоисключения: *Самое интересное вот этот м-м где-то кафе... то ли забегаловка / какая-то «Наири» //; То ли Зубовский... то ли Зубовский проезд... то ли бульвар //.*

Метапоказатели *то есть*, в смысле, *вернее / точнее, нет / не ... а, или / либо* в структуре автокоррекции, кроме экспликации семантических отношений между корректируемым и корректирующим, а также прагматических установок говорящего, выполняют функцию дискурсивных слов: отражая процесс речепорождения, они, наряду со средствами hesitation, сигнализируют о сбоях, затруднениях вербализации. Особенно ярко дискурсивный характер употребления этих слов проявляется в автокоррекциях, компоненты которых находятся в отношениях взаимоисключения, т. е. в тех, в которых только одна вербализация соотносима с референтной ситуацией: [ребенку] *Пойдем наденем памперс / штанишки / курточку / рубашку... то есть футболку //*; [ребенку] *Зачем ты эти тапочки таскаешь? Ты как кошка... собачка вернее //*; *А мы в командировке / да / здесь и... завтра... нет... утром... послезавтра в 7 утра в Лучегорск ещё два дня / ага / на автобусе //*; *Вполне может быть знаешь почему / потому что я основной квартиросъемщик / допустим там... или как-то там... или кто? ну я разберусь //.*

Спонтанный характер речепроизводства обуславливает появление в речевой цепи маркеров автокоррекции, которые в лингвистической литературе получили характеристику десемантизированных элементов. В спонтанных автокоррекциях частотно употребление частицы *ну*, реже – *вот*, а также междометий *ой*, *тьфу*, *блин*.

Частицы *ну*, *вот* относятся к специфическим разговорным частицам [Земская, 2006. С. 93]. При этом чем меньше степень обдуманности, подготовленности речевого произведения, тем выше частотность этих лексем в высказывании [Дараган, 2002]. В исследованиях, посвященных описанию частиц *ну* и *вот*, отмечается дискурсивный характер их употребления: они сигнализируют о сбоях и задержках в механизме кодирования, комментируют сам факт производства высказывания, отражают активное отношение говорящего к процессу порождения текста (наличие контроля над вербализацией), обеспечивая тем самым взаимодействие говорящего и слушающего [Дараган, 2002; Земская, 2006; Разлогова, 1996; 2003].

Частица *ну* в качестве маркера автокоррекции сигнализирует, во-первых, о коммуникативных затруднениях говорящего («не могу найти слово»); во-вторых, о сбоях в механизмах вербализации («сказал не то»); в-третьих, о введении в высказывание дополнительных незапланированных сегментов («нужно добавить»).

В первом случае употребление *ну* свидетельствует о затруднениях говорящего в выборе словесного выражения и отражает процесс поиска им наиболее адекватной замыслу номинативной единицы – «блуждание вокруг денотата» [Ляпон, 1989. С. 25], «явление на кончике языка» [Brownand, McNeill, 1966]: *Дело в том что подтвердить полиомиелит... остеомиелит... ой не остеомиелит... а... как его... ну хрупкость костей... исследование нужно проводить //*; – *Он показывал там... определенные... – Ну что птицы умеют. – Да / навыки / даже не навыки я бы сказал / а... ну например / то что совы близко не видят //*. Здесь номинация так и не найдена, дается описание ситуации.

Во втором случае *ну* эксплицирует реакцию говорящего на произошедший сбой вербализации, когда сказанное говорящим не соответствует его замыслу, фрагменту действительности и требует корректировки: *У нас все тетки оставили машины... ну большинство... скажем так //*; *А соседи / они у нас взяли квартиру 32 тысячи... ну они не у нас взяли //*; *Я всегда первая прихожу [на детскую площадку]... ну... не всегда... практически всегда //*.

В третьем случае *ну* является сигналом вставки в структуру высказывания незапланированного сегмента, содержащего добавочную информацию: *Я вчера пришла к той / которая занимается аспирантами... ну по стипендии //*; *Я в Японии так же на нашем... ну на парохде был / не помню какого года //*.

Кроме функции сигнала речи, *ну* в автокоррекциях может иметь значение акцентирующего слова и выступать в качестве актуализатора значимой информации: [продавец показывает куртку с «умной» тканью] *Вот // Сохраняет 20 % тепла... ну тепла тела //*; *Ладно / короче / там называется это всё дело курорт Цзиньшитай / за сзз / свободная экономическая зона / где-то в минут в сорока езды на электричке... ну... скоростная электричка там от вокзала на автобусе долго ехать от центра //*.

Появление в речевой цепи частицы *вот* является реакцией на сбой в процессах порождения высказывания – коммуникативные затруднения говорящего. Но, в отличие от *ну*, частица *вот* в автокоррекции маркирует удачное завершение поиска словесного оформления, что подчеркивается ее постпозитивным употреблением: *Когда что-то случается / ты сразу начинаешь искать поводы... нет... даже не поводы... доводы... доказательства моей вины... вот //; Моя мама родилась / вот там Китай-Городе... Дальне... как это / Междуречье / вот //.*

Наряду с частицами в качестве маркеров коммуникативного затруднения в автокоррекциях употребляются слова-хезитации *это самое, это, как ее / его, как это там, как и т. д.*: *Я вот желтый [вагончик]... этот... голубой нашла / а желтый где-то не знаю //; Это ж в каком состоянии пешеходный переход [*переход]... ой... это самое... переезд [железнодорожный] //; Они [эмоциональные состояния] могут быть как легкими / например тоска... ой не тоска... что там... скука / грусть //; Начнем с того, что машинка не практичная вещь... ой... не машинка, а как ее... электробрита //.*

Междометия *ой, тьфу, блин*, служащие «для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» [Русская грамматика, 1980. С. 731], «могут быть отнесены к полюсу самовыражения говорящего» [Разлогова, 2003. С. 159]. В автокоррекции такие слова эксплицируют оценку говорящим первой номинации как крайне неудачной и употребляются как выражение внезапно замеченной речевой оплошности: *Я еще вчера хотела... ой сегодня хотела тебя спросить //; Может «Мария-Прим» сдо [*сдохла]... ой [хихикнул, поняв, что выразился слишком грубо] померла //; А я что-то не вижу вывески палаты... тьфу... экспедиции // [имеется в виду «Земельная кадастровая палата» и «Геологическая экспедиция»]; У нас в этом доме / на Фокина... ой тьфу блин... в Лесозаводске //.*

Таким образом, междометия эксплицируют реакцию говорящего на сбой вербализации, их наличие в автокоррекции подтверждает спонтанный характер последней.

Введение повторной номинации может сопровождаться употреблением оборотов речи, являющихся средством комментирования говорящим собственного речевого поведения – метатекстовых комментариев. В соответствии со своим семантико-прагматическим потенциалом подобные ремарки в автокоррекции выполняют функцию маркеров оценки способа вербализации (по шкале «хорошо – плохо»), маркеров чужой речи, маркеров апелляции к слушающему, маркеров поиска.

В качестве оценочных метакомментариев употребляются языковые единицы, содержащие в своем лексическом значении оценочный компонент: – *Папа щас пожрет. – Не пожрет / а покушает... а лучше поест //; С тыща девятьсот шестьдесят шейсятого / по шейсят четвертый год хлеб... какой шейсят четвертый? Да / по шейсят... по шейсят шестой наверно даже //* [синтаксический фразеологизм с компонентом «какой (это) + сущ. в Им. п.» имеет явную оценочную природу]. Часто подобные комментарии включают в себя глаголы, называющие речевые действия (*сказать, говорить*): *На первое место был поставлен русский язык... ой... что я говорю... история конечно //; Окна всегда были открыты // И зимой я открывал [окна]... ой... вру зимой / когда окна заклеивали / тряпкой с мылом / все закрыто было //; Не // Ну рофен конечно действенная штука... действующая... не действенная... не по-русски говорю //; Большой резонанс вызвал арест российских летчиков в 2001-м году... в 2011-м году конечно //* [высокая степень достоверности в семантике вводного слова *конечно* позволяет отнести его к маркерам оценки по шкале «хорошо – плохо»].

Метаязыковым значением осложнен повтор корректируемой номинации: *Настоящая осень // Бабья осень... Бабья осень [смеется]... Бабье лето //; Я всегда до комфортной температуры... ой... температуры... до комфортной скорости добираю / чтоб лучше машину контролировать //.* Такие повторы имеют явную прагматическую направленность: говорящий таким образом привлекает внимание слушающего к вносимой поправке.

Имплицитно оценочными являются обороты с перформативами со значением речемыслительной деятельности: *Нечего было убежать... сбегать... я бы даже сказала //; А у тебя какое образование? – 11... ой 10 классов я хотела сказать //; Не в состоянии один человек... я имею в виду одно семейство / у которого будет собственность / оно не может реконст-*

руировать / э-э-э как раз возобновление вот этих вот природных богатств // Они сигнализируют о недостаточности семантического наполнения первой вербализации или даже о несоответствии ее замыслу говорящего («я сказал не то, что хотел»).

Косвенную оценку способа вербализации содержат метатекстовые вставки, в которых говорящий пытается дать рациональное объяснение своего речевого поведения, например обосновывает корректность / некорректность номинации: *Это неплохой текст маркетинга... или маркетинга... кстати два ударения допустимы //*; [на занятии при опросе студентов] *Дальше Саша... ой Саша уже был... Алеся //*; или называет причины возникшего сбоя вербализации: *Они [голуби] меня заметили / когда я еще с магазина кулек в пакете нес... вернее... не выспался... пшено в пакете //* [сказал неправильно, потому что не выпался].

В качестве оценочных ремарок могут употребляться лексические единицы с семантикой «приблизительности», «неточной» передачи информации, некатегоричности речи [Лаптева, 2003; 2004; Разлогова, 2003; Шмелева, 1987]: *Он при парк [*при парке]... он находится в парк [*в парке]... ну как бы в зоне вот этого вот //; Вы знаете / я раньше когда был молодой / я как-то старался / воздерживался ну / всётки дома говорили / я знаю по это [по-украински] / а щас я не воздерживаюсь / я вот наоборот / нарочно где-то могу вставить хохляцкое слово... то есть я так что вот сейчас вот как-то вот так принадлежность себя к хохлам не скрываю типа того что //.* Употребляя подобные клише, говорящий дистанцируется от собственной речи, частично снимает с себя ответственность за выбранную им языковую единицу. В условиях автокоррекции эти метапоказатели сигнализируют о том, что повторная вербализация не претендует на полную адекватность замыслу и поиск нужного слова мог быть продолжен.

Маркеры чужой речи – авторизирующие показатели – мотивируют необходимость адаптации словесного выражения в соответствии с коммуникативными возможностями или ожиданиями слушающего: *А ну начала же рассказывать как в воскресенье они собрались ехать в ресторан / а она задумала вот сделать как русское пати / дома... как она сказала... то есть русское... русскую еду она же приезжала сюда с ним и решила его как бы там... сделать домашнюю еду //; Почему я считаю / что нам больше повезло в те годы... / потому что мы все учились бесплатно / ну / на 99 процентов никто не работал // А не надо было... То есть работали / вот / например / у меня... мой будущий муж... / он учился на строительном факультете ДВПИ... / у них работали... это называлось не работали... подрабатывали //.*

Маркеры оценки способа вербализации, чужой речи, кроме выражения отношения говорящего к содержанию речи, способу вербализации, мотивируют необходимость корректировки, т. е. несут двойную прагматическую нагрузку.

Метакомментарии, содержащие апелляцию к собеседнику, актуализируют фактор адресата в программе коммуникативного взаимодействия говорящего и слушающего. Направленность на слушающего проявляется в адресованности высказывания – наличии в нем форм 2-го лица: *Мы тогда на саньке [автомобиль Nissan Sunny] поехали... ой... подожди... нет... на филдере уже //.* В автокоррекции средства адресатности, кроме привлечения внимания собеседника к вносимой поправке, выполняют функцию маркеров вежливости: *У нас росли цены... простите... тарифы //.*

Привлечение собеседника к процессу поиска адекватного словесного выражения осуществляется при помощи метаоператоров, содержащих эксплицитно или имплицитно в своей семантике компонент «не знаю»: *Нажимает кнопку тот там м... майор... или как он... его чина я не знаю //; Но вырос я здесь / на Дальнем Востоке // В Хабаровском крае // Ну здесь / тоже... по призванию... или по переселению / как угодно //* [«я не знаю, какое наименование предпочесть, поэтому оставляю это на ваш выбор»].

Отметим, что маркеры апелляции к слушающему совместимы с маркерами оценки способа вербализации, поскольку, привлекая внимание собеседника к корректировке, подключая собеседника сначала к оценке, а затем и к поиску оптимального словесного оформления, говорящий тем самым признает некорректность собственного словоупотребления.

Метакомментарии – маркеры поиска – выполняют функцию хезитаций, отражают процесс порождения высказывания: *На Леонова там темно... Ой не темно / а... как это называет-*

ся... тень //; Замполит... не замполит / а он назывался тогда... как же он назывался... типа заместитель начальника пароходства при полите... Как же он назывался... //.

В значении метатекстовых комментариев, эксплицирующих оценку адекватности номинации сущности обозначаемого, а также ее нормативности, узуальности, присутствует элемент самовыражения говорящего (проявление его языковых предпочтений), что подтверждает адресантно-адресатный характер их употребления в автокоррекциях.

Подводя итоги нашего исследования, мы можем сделать вывод: автокоррекция характеризуется определенным набором метаязыковых элементов, представленных единицами разной лингвистической природы: союзами (*то есть, в смысле, не ... а, или / либо, то ли ... то ли*), вводно-модальными словами (*вернее, точнее*), частицами (*ну, вот, даже*), междометиями (*ой, тьфу, блин*), метатекстовыми комментариями. Анализ употребления метапоказателей автокоррекции позволяет говорить об их функциональной общности: во-первых, они эксплицируют отношения между компонентами конструкции, указывая на связь последних. Во-вторых, являются средствами уточнения референции высказывания. В-третьих, эксплицируют оценку говорящим собственной речи. В-четвертых, организуют процесс речепорождения.

Список литературы

- Вепрева Т. И. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Урал-ун-та, 2002. 380 с.
- Дараган Ю. В. Риторическая структура текста и маркеры порождения речи // Труды международного семинара «Диалог». 2002. Т. 1. С. 67–73.
- Земская Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: Учеб. пособие. 4-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 240 с. (Русский язык как иностранный).
- Лаптева О. А. Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований (статья первая) // Вопросы языкознания. 2003. № 6. С. 15–29.
- Лаптева О. А. Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований (статья вторая). Функциональные синонимы *как бы* // Вопросы языкознания. 2004. № 5. С. 17–31.
- Леонтьев А. А. Функции и формы речи // Основы теории речевой деятельности. М., 1974. С. 241–254.
- Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 201 с.
- Ляпон М. В. Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность. М., 1989. С. 24–34.
- Разлогова Е. Э. Модальные слова и оценка степени достоверности высказывания // Русистика сегодня / Отд-ние литературы и языка РАН. Ин-т русского языка РАН им. В. В. Виноградова. М., 1996. № 3. С. 21–47.
- Разлогова Е. Э. К вопросу о специфических употреблениях модальных слов: слова-паразиты в русской и французской речи // Вестн. Моск. ун-та. 2003. № 6. С. 152–169.
- Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1. 792 с.
- СССРЯ – Словарь служебных слов русского языка / А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова, Г. Н. Сергеева, Г. Д. Зайцева, Е. С. Шереметьева, Н. Т. Окатова, И. Н. Токарчук, Г. М. Крылова, Т. А. Жукова, Т. В. Петроченко, В. Н. Завьялов. Владивосток, 2001. 363 с.
- Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск, 1988. 53 с.
- Шмелева Т. В. «Так сказать» и «как говорится» // Служебные слова: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1987. С. 125–132.
- Brown R., McNeill D. The «tip of Tongue» Phenomenon // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1966. № 5. P. 325–337.

A. E. Cesarskaja, V. I. Shestopalova

*Far Eastern Federal University
8 Sukhanov Str., Vladivostok, 690950, Russian Federation*

annaceas@mail.ru, shestopalova.vi@gmail.com

DISCOURSE WORDS AS A SIGN OF A SELF-CORRECTION IN A COLLOQUIAL SPEECH

The present research focuses on the peculiarities of discourse words functioning in colloquial self-correction. The author analyzes discourse elements within semantic and pragmatic aspects and explores their functions in a limited context – self-correction construction. Self-correction of speech is a phenomenon when speaker replaces of one word, word combination or other linguistic element by another, because he/she estimates the word/word combination/sentence he/she used as not correct, appropriate or standard. Speaker corrects that which is being corrected to make his/her own speech good, clear for listener. In a structural aspect self-correction is a double denotation of the same situation. Components of self-correction (original word & repair) have 3 types of semantic correlation: 1) exclude one another, when only second word accords to the plan of speech and speaker “cancels” the first word and replaces it with a correct one; 2) complete one another, when the speaker estimates his/her speech behavior as unsatisfactory in terms of information content, so pragmatic aim of the speaker in this case is to add; 3) semantically identical, when first nomination contains sufficient information, but is estimated by speaker as inappropriate or unfamiliar for listener, so pragmatic aim of the speaker is to translate, or to interpret. In some cases self-correction is characterized by hesitation, pausing, but especially correction construction is organized by the use of special words – discourse words.

In this study, the author makes an attempt to describe the groups of discourse words, organizing self-correction.

First group consists of conjunctions and modal words, which have meanings of explanation, interpretation, illustration, addition, negation. Which discourse element is used depends on the type of relation between original word & repair: mutual exclusion (negative, partitive, adversative conjunctions, some modal words), addition (correcting modal words), semantic identity (interpreting conjunctions).

Second group consists of asemantic words (some colloquial particles and interjections). Particles occur when the speaker cannot quite recall an appropriate word but can recall words of similar form and meaning (“tip of tongue” phenomenon) [R. Brown and D. McNeill, 1966]. Some particles signal that the search of the word is completed. If speech trouble is detected quickly by the speaker it is signaled by the use of interjections.

Third group consists of comments, characterizing utterance in terms of source of information, validity of it's contain. In some cases speaker try to explain his/her speech behavior (self-correction) or apology for the speech trouble. Its not only repair sings for listener, speaker use those elements to get over speech trouble.

Discourse elements used in self-correction construction are units of different linguistic nature, but such elements have a common feature: all those components manifest monitoring of one's own speech and provide speakers and listener interaction.

The research was conducted on the basis of spontaneous Russian oral speech.

Keywords: colloquial speech, self-correction, speech reflection, discourse words, speakers and hearer interaction

References

Brown R., McNeill. D. The “tip of Tongue” Phenomenon. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 1966, № 5, p. 325–337.

Daragan Yu. V. Ritoricheskaya struktura teksta i marker porozhdeniya rechi [The rhetorical structure of the text, and markers of speech production]. *Trudy mezhdunarodnogo seminara "Dialog"* [Materials of the International Workshop Dialogue]. 2002, vol. 1, p. 67–73. (in Russ.)

Lapteva O. A. Samoorganizatsiya dvizheniya yazyka: vnutrennie istochniki preobrazovaniya (stat'ya pervaya) [Self-organization of the language movement: internal sources of transformation (Article One)]. *Voprosy yazykoznanija* [Issues of linguistics]. 2003, no. 6, p. 15–29. (in Russ.)

Lapteva O. A. Samoorganizatsiya dvizheniya yazyka: vnutrennie istochniki preobrazovaniya (stat'ya vtoraya). Funktsional'nye sinonimy kak by [Self-organization of the language movement: internal sources of transformation (Article Two). Functional synonyms]. *Voprosy yazykoznanija* [Issues of linguistics]. 2004, no. 5, p. 17–31. (in Russ.)

Leont'ev A. A. Rechevaya deyatel'nost' [Speech activity]. *Osnovy teorii rechevoy deyatel'nosti* [Fundamentals of the theory of speech activity]. Moscow, Nauka Publ., 1974, p. 29–35. (in Russ.)

Ljapon M. V. Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst. K tipologii vnutritekstovykh otnoshenii [The semantic structure of a complex sentence and text. On typology of relations within the text]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 201 p. (in Russ.)

Lyapon M. V. Otsenchnaya situatsiya i slovesnoe modelirovanie [Estimated situation and verbal modeling]. In: *Jazyk i lichnost'* [Language and Identity]. Moscow, 1989, p. 24–34. (in Russ.)

Priyatkina A. F., Starodumova E. A. Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka [Russian function words dictionary]. Vladivostok, 2001, 363 p. (in Russ.)

Razlogova E. E. Modal'nye slova i ocenka stepeni dostovernosti vyskazyvanya [Modal words and assess the reliability of the utterance]. *Rusistika segodnya* [Russian philology today]. Moscow, Russian Language Institute, RAS. V. V. Vinogradov, 1996, no. 3, p. 21–47. (in Russ.)

Razlogova E. E. K voprosu o specificheskikh upotrebleniyakh modal'nykh slov: slova-parazity v russkoi i francuzskoi rechi [About the specific use of modal words: parasite words in Russian and French speech]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Journal of Moscow University]. Moscow, Moscow State University Publ., 2003. p. 152–169. (in Russ.)

Shmeleva T. V. «Tak skazat'» i «kak govornitsya» [«Tak skazat'» & «kak govornitsya»]. *Sluzhebnye slova* [Function words]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 1987, p. 125–132. (in Russ.)

Shmeleva T. V. Semanticheskii sintaksis. Tekst lektzii [Semantic syntax. Text of lectures]. Krasnoyarsk, 1988, 53 p. (in Russ.)

Shvedova N. Yu. Russkaya grammatika [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow, 1980, 792 p. (in Russ.)

Vepreva T. I. Yazykovaya refleksiya v postsovetzkuyu epokhu [Language reflection of post-Soviet epoch]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2002, p. 380. (in Russ.)

Zemskaya E. A. Russkaya razgovornaya rech'. Lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya [Russian colloquial speech. Linguistic analysis and learning problems]. 4th ed. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2006, 240 p. (in Russ.)